

УДК 01

DOI: 10.34670/AR.2020.42.65.001

Творчество: реликт или супермодерн**Семенов Сергей Николаевич**Кандидат философских наук,
старший научный сотрудник,Центр стратегических и междисциплинарных исследований,
Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук,
450054, Российская Федерация, Уфа, пр. Октября, 71;
e-mail: Semenov@mail.ru

Статья подготовлена в рамках выполнения плана НИР УФИЦ РАН по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ.

Аннотация

В статье рассматривается проблема связи творческого мышления либо с реликтовыми слоями (архаизация, инфантильность) человеческой психики, либо с ее наиболее развитыми современными проявлениями. Отмечается, что неосознаваемость, парадоксальность, эмоционально-образные формы, характерные для творческого мышления, относятся не к «бес» и «под» сознательным уровням психики, а к ее сверхсознательному уровню, целостно-диалектическому и всецело социально-культурному по природе. В то же время впечатление «реликтовости» творческого мышления создается в связи с тем, что в целостном творческом мышлении органично соединяются понятийно-знаковые, образно-эстетические и эмоционально-ценностные компоненты, аналогично синкретическому архаическому мышлению. Однако если в архаике мышление синкретично в силу его ранних этапов развития, то в современном творческом мышлении синтетичность определяется самым современным уровнем развития мышления. Реликтовая архаика и супермодерн в творческом мышлении объединяются тем, что творчество, как социально-культурное явление выступает основой – сущностью мышления вообще, вначале отделяя мышление от биологических реакций, затем – создавая новые уровни мысли, формируя новые стандарты репродуктивного мышления. Соответственно, неосознаваемое в творчестве относится не к биологическому бессознательному или к социально-стереотипному подсознательному, а к сверхсознанию, реализующему самые современные тенденции культуры, разрешающему диалектические противоречия, лежащие в основе творческого акта.

Для цитирования в научных исследованиях

Семенов С.Н. Творчество: реликт или супермодерн // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2020. Том 9. № 5А. С. 5-13. DOI: 10.34670/AR.2020.42.65.001

Ключевые слова

Творчество, реликтовое мышление, супермодерн в мышлении, целостное мышление, бессознательное, подсознание, сверхсознание, диалектика.

Введение

Важными проблемами (среди многих других) в осмыслении творчества становятся такие его характеристики, как укорененность либо в древних и исходных («реликтовых») формах человеческого духа или, напротив, в высокоразвитой культуре социума: а также его соотносимость либо с уникальными (единичными) свойствами творца и обстоятельствами творческого акта или же, напротив, со всеобщими характеристиками человека, культуры и общества. Полагаем, что это, по сути, одна проблема, рассмотрение которой имеет большое значение для понимания и творчества, и в целом мышления, и духовной активности человека вообще. Данная проблематика имеет не только научно-теоретическое, но и техническое, «прикладное» значение. В междисциплинарных исследованиях искусственного интеллекта (ИИ) встают вопросы соотношения «сознания» и «творчества». В одних случаях «сознание» объясняется и идентифицируется через «творческие способности», а в других, когда «творчество» понимается как высшая, но все-таки частная функция «сознания», компьютерное воспроизведение «сознания» может быть подтверждено только обладанием ИИ «творческими параметрами» [Алексеев, 2013, с.380 - 381]. Следовательно, соотношение творчества с сознанием и мышлением в целом – вопрос методологически важный для осмысления всей когнитивной сферы.

Начнем с идей «архаизации» творчества, связанных с целым комплексом подходов к нему. Это определенный спектр понимания «интуиции» («озарения», «инсайта» и т.п.), не как интеллектуального или мистического (сверхразумного) акта, а как чувственно-образного, иногда даже биологизированного, связанного с бес- и подсознательным в психике, с древней психологией «слитности» с миром и ее архетипами, с «детской» непосредственностью и свободой фантазирования. При этих подходах творческая идея в некой смутной (обычно понимаемой как образно-чувственная) форме возникает в «темных глубинах» человеческой психики, а затем осмысливается, проясняется, обрабатывается средствами разума.

С «архаизацией», «примитивизацией» и «инфантилизацией» творчества тесно связано и положение об уникальности, аномальности или даже патологическом характере творческих способностей и творческого акта. Если его истоки – «реликты» древних и вытесненных из современной культуры психологических практик, глубоко индивидуальный и единичный «неокультуренный» опыт творца – все это идет «в разрез» с «нормальной» психикой современного человека и превращает творчество в некое «исключение», «отклонение» от нормы.

В то же время имеются и другие подходы к пониманию природы творчества, напротив, связывающие его с высшими проявлениями и этапами развития культуры и цивилизации, а также – с максимально полной реализацией всеобщих характеристик «человека разумного».

Поскольку здесь явно выявляются противоположные позиции, напрашивается и применение как-то подзабытой современными российскими философами (или кем-то запрещенной к упоминанию) диалектической методологии, поскольку просто рассуждения о «парадоксах» и «противоречиях» без обращения к ней становятся просто пустыми.

А с диалектических позиций можно сразу предположить, что полярные подходы должны объединиться, оказавшись оба и обоснованными, и односторонними. Но это, разумеется, не решение проблемы (диалектику часто обвиняют, в т.ч. и философы уровня К. Поппера, в том, что формулу «и то - и другое» она считает за итоговую истину). Вопрос реального исследования – как именно и в чем соединяются противоположности, причем их синтез вполне конкретен и понятен, когда он найден и сформулирован.

Основная часть

Интересное философско-методологическое рассмотрение проблемы архаизации и уникализации творчества реализуется в работах И.А. Бесковой, концепцию которой мы хотим подробнее рассмотреть. И.А. Бескова выделяет такие ключевые характеристики «творческого мышления» (мы также считаем творчество мышлением), как его комплексность и многоплановость [Бескова, 1993, с.4], максимально эффективную работу всех компонентов мышления вообще [Бескова, 1993, с.7,155], свободное оперирование противоречивыми данными [2, с.117,166-167], эмоциональные, а не рассудочные связи [Бескова, 1993, с.147]; наконец, то, что «творческое мышление, опирающееся на фантазию, является относительно поздним продуктом развития человеческой мыслительной способности» [Бескова, 1993, с.152]. Эти положения представляются глубоко верными.

С другой стороны, творческое мышление связывается с «реликтовой» образной информацией «не переработанной культурой» [Бескова, 1993, с.83], с «детскими» формами мышления, выступающими как «бесценный источник нетривиальных аналогий творческого мышления» [Бескова, 1993, с.103]; «интегрированными», т.е. «нерасчлененными» оценками [Бескова, 1993, с.110]; с давним архаичным опытом [Бескова, 1993, с.113]; с «синкретизмом» мышления [Бескова, 1993, с.120]; наконец, выделяется архаичный «прото-эмоцио-ментальный комплекс» в качестве важнейшей составляющей личностных смыслов в плане раскрытия механизмов творческого мышления [Бескова, 1993, с.131]; при этом важным качеством творческой личности становится низкий уровень ее социализации [Бескова, 1993, с.189].

В концепции И.А. Бесковой мы видим очень важное диалектическое противоречие: творчество понимается и как высшее проявление мышления, т.е. социально-культурной стороны человека, высокого уровня его исторического развития – и как нечто первобытное, неразвитое, почти «природное».

Представляется, что эта реальная и глубокая проблема, выявляющаяся в концепции И.А. Бесковой и в работах ряда других исследователей, связана с такими существенными аспектами творчества, как его способность оперировать с недоступными рассудку, обыденному мышлению противоречиями, совмещать, синтезировать противоположное и несовместимое; с образно-эмоциональными компонентами, занимающими ведущее место в творческом процессе; с неосознаваемостью, невербальностью значительного объема этого процесса.

Именно с процессами «инкубации» связывается отнесение творчества к «под» и «бес» сознательному [Бескова, 1993, с.163], а способность свободно оперировать противоречиями связывается с «подсознанием» [Бескова, 1993, с.164].

В последующих работах И.А. Бескова использует концепцию «интегральной телесности», т.е., в нашем понимании, комплексного чувственного контакта с миром, связывая образное содержание «инсайта» с бессознательной сферой [Бескова, 2013, с.223], а «реликтовые» источники творчества с эмпатией и чувственными процессами. Так, «инкубация идей» объясняется тем, что «в это время осуществляется переработка данных в режиме преимущественного оперирования интегрально-телесными репрезентантами впечатлений», основной характеристикой которых «выступает их недвойственность» [Бескова, 2013, с.262].

Таким образом, в данных аспектах творчество связывается с архаичным (реликтовым, детским) мышлением, а также с «под» и «бес» сознательным, в связи с такими его характеристиками, как свободное оперирование с противоречиями и чувственная, образно-эмоциональная форма протекания.

То, что эти черты, характерные вообще для творчества и в большем, чем в современном мышлении, «объеме» проявляются именно в архаичном и детском мышлении – абсолютно справедливо.

Однако однозначный вывод об исключительно «реликтовости» современного творческого мышления не вполне правомерен. Полагаем, что речь здесь должна идти об одном и том же качестве мышления, но на разных содержательных этапах его существования и развития. Если мы рассмотрим человеческое мышление как, прежде всего, специфический для человека способ решения жизненных проблем (как раз в духе популярной сегодня эволюционной эпистемологии), то мы видим, что решение может быть стандартно-стереотипным, либо новым, т.е. творческим. При этом впервые нестандартная проблема решается именно через уникальный творческий акт, который затем становится образцом и стереотипом для действия в подобных ситуациях (переходит в репродуктивный фонд культуры). Поскольку в жизнедеятельности человека (как и любого живого существа) нестандартных ситуаций значительно меньше, чем стандартных, то творчество не может быть не только постоянным, но даже и очень частым явлением. Но на ранних этапах становления «человеческого в человеке» «первичные» акты именно мышления (а не рефлексов, инстинктов) носят исключительно творческий характер, выделяясь из массы биологических реакций (кстати, сохраняющихся у человека до их пор в его бессознательном). Таким образом, исторически, генетически мышление возникает как творческий акт, выделяющий человека из окружающего мира, среды и создающий «человеческий мир» культуры. Правильнее было бы назвать человека не «разумным», а «творящим», поскольку «разум» – исторически не предпосылка, а следствие творчества. А вот по мере накопления творческих актов все большее место в «наличном» мышлении, как именно человеческой форме психической реакции на мир, занимают образцы и стереотипы культуры, некогда созданные творчеством, но затем замещающие его, приобщающие человека к миру культуры. Таким образом, творчество – исторически исходная форма мышления и его всеобщая сущность, но мышление человека развитой культуры количественно содержит значительно больше стереотипных форм, некогда созданных творчеством, которые целесообразно определить как «подсознание».

Поэтому справедливо утверждение о некотором существенном подобии и родстве архаичного (детского) и современного творческого мышления – ведь первые проявления мышления вообще были исключительно творческими актами.

Но «реликтовость» современного творческого мышления требует уточнения. Тем более, что в психологии развивают идеи о том, что творческое мышление – не особый вид мышления, а его высшая форма, не отличающаяся никакими особыми механизмами [например: Чернецкая, 2008, с.48; Чернецкая, 2009, с.228]. В еще более общей форме методологического принципа сформулировал подобную позицию В.Т. Кудрявцев: «В абстракции от «фактора» творчества природу психического развития понять нельзя. Этот «фактор» составляет всеобщий механизм, движущую силу психологического развития» [Чернецкая, 2009, с.114].

Если же мы считаем признаками «реликтовости» мышления его свободное оперирование с противоречиями, образно-чувственную форму, а также неосознаваемый характер ряда ключевых процессов, то здесь требуется существенное уточнение. Дело в том, что в архаическом и современном творческом мышлении эти признаки действительно присутствуют, но их смысл, контекст и характер существенно различаются.

Прежде всего, в «архайке» каждый акт мышления является и актом «очеловечивания», творчества сознания, выделяющегося из массива биологической психики, т.е. в некоторой

абстракции первоакты мышления являются исключительно творческими, а их исторический контекст – стандартизированные, репродуктивные или биологические «поисковые» реакции и активность.

В развитой же культуре - мышление (сфера сознательно-человеческого) давно выделилось из биологической психики, стало сложной системой, включающей продуктивные и репродуктивные компоненты, в которой творческие акты мышления либо решают новые нестандартные проблемы, либо раскрывают новые горизонты жизнедеятельности, соотносясь уже не с биологической психикой, а со стереотипным мышлением и с социальными автоматизмами (т.е. тоже с мышлением!).

Далее, если «наивному», «первобытному», т.е. «становящемуся» (и в этом плане – не «примитивному», а великому и могучему) мышлению характерно игнорирование (непонимание) противоречий, исключительно образно-чувственная форма и преобладание бессознательно-психических компонентов – то развитое, культурно-исторически «ставшее» творческое мышление именно и возникнет не за счет сохранения, а преобразования-преодоления этих характеристик, включения в них разумно-культурных компонентов, как раз и происходящего в каждом творческом акте.

Так, в творческом акте противоречие уже не «игнорируется», а разрешается через диалектический синтез противоположностей. А это в мышлении обеспечивается не только и не столько «архаикой», а моделями диалектического мышления, самого названия которого почему-то боятся некоторые философы современной России. Напомним мнение А.Ф. Лосева, что «когда мы в диалектике говорим о единстве противоположностей как о новом качестве, не содержащимся в этих противоположностях», «для нас это не парадокс, а элементарное требование диалектической мысли» [Лосев, 1983, с. 297].

А в изданной на рубеже веков западными авторами «Энциклопедии креативности» имеется специальная статья о связи диалектического и креативного мышления. Как считают Б. Ян и П. Арлин: «Диалектическое мышление, как специфическая разновидность постформального рассуждения, является креативным по самой его природе...», поскольку оно представляет такую структуру мышления, которая дает средства и мировоззрение, поддерживающие креативные процессы. Также, отмечают авторы, многие творческие процессы в мышлении «фактически» основаны на «базовых формах диалектического мышления» [Yan, Arlin, 1999, с.552].

Далее, диалектическое мышление, как и вообще творчество, тесно связаны с образно-чувственными компонентами психики. Однако это не только не биологическая чувственность (классические «ощущения-восприятия-представления») и даже не их «первичные» очеловеченные и осознанные уровни – в творческом мышлении мы имеем дело с «символически-аллегорическими» образами, т.е. не с «реально-чувственным отношением к миру», а с вторичными, диалектически противоречивыми («метафорическими») образами, соединяющими «свойственные» и «несвойственные» представляемому предмету признаки, несущие более глубокий культурный смысл [Никитин, 1999, с.5-6]. Эти, эстетические по форме, социально-культурные по природе, образы и являются «материалом» творческого мышления, в котором первоначально и возникают интуитивные «озарения», образно выражающие диалектический синтез. Они являются «вторичным непосредственным» по характеристике В.П. Зинченко, отмечавшего, что оно, «будучи производным от первого, ... столь же естественно (по форме своего функционирования), сколько и культурно (по своему содержанию)» [Зинченко, 2010].

Эстетическую природу творческой «эмпатии» раскрывает и И.А. Бескова, ссылаясь на ее

описания в «Розе мира» Д. Андреева [Бескова, 2013, с.259-260] и на восточные психотехники, которые также являются не «реликтами» архаического сознания, а продуктами утонченной и высокоразвитой культуры, не «синкретизма», а культурного синтетизма. Соответственно, образность творческого мышления связана не с его «под» и «бес» сознательными основами, а с качественно иным неосознаваемым – «сверх» или «над» сознательным, высшим социально-культурным, разумно-духовным уровнем.

А культурная образность носит эстетический характер. Сверхсознание действует не через биологические инстинкты и рефлексы (как бессознательное) и не через социально-психологические автоматизмы и стереотипы (как подсознательное), а через принципы, тенденции развития культуры, которые реализуются неосознанно в целостном акте творческого мышления. Как справедливо отметил В.Д. Губин: «Сами тенденции развития культуры становятся как бы силовыми линиями, по которым движется творец от открытия к открытию» [Губин, 1985, с.97]. Культурно-эстетическую природу «сверхсознания» явно имел в виду и автор самого термина – К.С. Станиславский: «Чем тоньше чувство и чем оно ирреальнее, отвлеченнее, импрессионистичнее и проч., тем оно сверхсознательнее, т.е. ближе к природе и дальше от сознания», далее характеризуя его как «отвлеченное» и, связывая «творчество сверхсознания» с «символом» [Станиславский, www...].

Полагаем, что «природа» здесь обозначает не «биологию», а естественное в социально-культурном развитии. Эти идеи П.В. Симонов развил в целостную концепцию высшего уровня психического «сверхсознания», возникающего на стыке не биологического и социального (как подсознание), а «социального и идеального», когда в индивидуальном сознании творца проявляются объективные тенденции развития общества и личности, в т.ч. и только зарождающиеся [Симонов, 1980, с.42-43]. Подобное понимание «надсознания» в науке развил и М.Г. Ярошевский, рассматривая его как реализацию в индивидуальном творчестве категориальной логики развития науки, подчеркивая, что это «...не подспудные безличностные глубины», а «вершины» человеческой психики» [Аллахвердян, Мошкова, Юревич, Ярошевский, 1998, с.225].

Сверхсознание действует не «бессознательно», а неосознаваемо (неконтролируемо рассудком), поскольку в нем, с нашей точки зрения, реализуется «целостное мышление», реализующее единство «теоретического, эстетического и аксиологического, т.е. познания, переживания и оценки» [Семенов, 1998, с.112-113]. Именно в сверхсознании реализуются «творческие озарения», «инсайты», содержанием которых является диалектический синтез противоположностей, формой – эстетические, символически-аллегорические образы, а стимулом и направляющей движением мысли оценкой – чувство красоты решения проблемы, эмпатии с парадоксальной ситуацией. Как справедливо отмечает С.С. Аверинцев, творческая интуиция со времен Платона понималась как умозрение, «озарение ума», а не что-то принесенное «темным иррациональным началом», как стали считать в Новое и Новейшее время. Творческая интуиция, по мнению С.С. Аверинцева, означает «целостную полноту способности мышления» [Аверинцев, 1997, с.56].

Если целостное мышление, сверхсознание является сутью творческого процесса, то оно оказывается не архаичным реликтом, а, напротив, «суперсовременным модерном», реализующем передовые достижения культуры. Перефразируя И.А. Бескову, можно сказать, что в данном случае это не «незамутненные знанием впечатления» [Бескова, 1993, с.160], а скорее «просветленные культурой образы». Не случайно и художественный катарсис возникает во вспышке сверхсознания и диалектически синтезирует несовместимые антиномии не через прямое чувственное «сопереживание» героям и ситуациям произведения, а путем выхода через

эстетическую культуру в иное, высшее измерение восприятия мира [Вербицкая, Семенов, 2016, с.103].

В этом плане справедливо положение И.А. Бесковой, что в творчестве мы получаем «новую, прежде не существовавшую данность: человек – во всем богатстве, сложности и специфике (генетической и культурной) его личности и проблемная ситуация, оказавшаяся в центре его внимания» [Бескова, 2013, Бескова с. 265].

Заключение

Творческое сверхсознание и является воплощением культурного богатства и сложности творца. У него есть связь с древними формами мышления: и по сути - ведь первичные акты мышления были и актами творчества (поскольку само «мышление» было качественно новым и также все его проявления); и по форме – образно-чувственной и неосознаваемой. Однако сегодня это уже и качественно иное мышление («то и не то» диалектически), опирающееся на огромный арсенал культуры, взаимодействуя с массивом репродуктивного, уже освоенного культурой материала, оперирующее не с «первичными» образами, а с «вторичными», обработанными эстетично-художественными средствами. Это различие «архаичного» и «модернового» в творческом мышлении важно и для его исследования, и для поиска путей его оптимизации, и для построения системы образования. Главное – надо не пытаться какими-то неизвестными средствами «пробуждать» или «возрождать» «реликты» в человеческой психике, а искать пути максимально успешного приобщения личности к всеобщим основам и новейшим достижениям всей культуры, способы формирования целостного мышления – способности к творческому сверхсознанию.

Библиография

1. Алексеев А.Ю. Проблема творчества в исследованиях искусственного интеллекта // Эпистемология креативности / Отв. ред. Е.Н.Князева. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013.С.374 – 413.
2. Бескова, И.А. Как возможно творческое мышление? – М.: ИФ РАН. – 1993. – 196 с.
3. Бескова, И.А. Творческая одаренность: природа, предпосылки, проявления // Эпистемология креативности. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация». – 2013. – С. 204-271.
4. Чернецкая, Н.И. К проблеме интеграции психологических теорий творческого мышления // Вестник Российского государственного университета им. И.Канта. Серия: Философия, педагогика, психология. – 2009, вып. 5. – С. 45-50.
5. Чернецкая, Н.И. творческое мышление как высшая форма мышления // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. – 2009. – № 2. – С. 225-230.
6. Кудрявцев, В.Т. Творческая природа психики человека // Вопросы психологии. – 1990. – № 3. – С. 113-120.
7. Лосев, А.Ф. Некоторые терминологические уточнения в области законов диалектики // Диалектика отрицания. – М.: Политиздат. – 1983. – С. 294-303.
8. Yan B., Arlin P. Dialectical thinking: implications for creative thinking // Encyclopedia of creativity volume 1. – San Diego-London-Boston-New York-Sydney-Tokyo-Toronto: Academic Press. – 1999. – P. 547-552.
9. Никитин, В.Ф. Алгоритм конструирования художественного образа: Экспериментальный учебно-методический мини-комплекс. – Уфа: РУМЦ. – 1999. – 22 с.
10. Зинченко, В.П. Сознание и творческий акт [Электронный ресурс]. – М.: Языки славянских культур. – 2010. – 588 с. – Режим доступа: <https://iknigi.net/avtor-vladimir-zinchenko/51341>
11. Губин, Д.В. «Культура» и «природа» в феномене творчества // Философия и история культуры. – М.: Наука. – 1985. – С. 95-120.
12. Станиславский, К.С. Работа актера над ролью [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=145139&p=1>
13. Симонов, П.В. «Сверхзадача» художника в свете психологии и нейрофизиологии // Психология процессов художественного творчества. – Л.: Наука. – 1980. – С. 32-45.
14. Аллахвердян А.Г., Мошкова Г.Ю., Юревич А.В., Ярошевский М.Г. Психология науки: учебное пособие. – М.:

Флинта. – 1998. – 312 с.

15. Семенов, С.Н. Развитие творческих способностей в процессе обучения (философско-методологические проблемы). – Уфа: Гилем. – 1998. – 174 с.
16. Аверинцев, С.С. От концепта «интеллекта» к концепту «ума» // И.Е. Аничков Труды по языкознанию / сост. и отв. ред. В.П. Недеялков. – СПб.: Наука. – 1997. – С. 55-57.
17. Вербицкая Г.Я., Семенов С.Н. Разрешение неразрешимого: искусство и философия о «вечных» противоречиях // Образование и наука. – 2016. – № 2. – С. 94-110.

Creativity: relic or super modern

Sergei N. Semenov

PhD in Philosophy,
Senior researcher,
Center for strategic and interdisciplinary research,
Ufa Federal research center of the Russian Academy of Sciences,
450054, 71 October ave. Ufa, Russian Federation;
e-mail: Semenov@mail.ru

Abstract

The article deals with the problem of connection of creative thinking either with relic layers (archaization, infantile) of the human psyche, or with its most developed modern manifestations. It is noted that unconsciousness, paradoxicity, and emotional-figurative forms characteristic of creative thinking do not belong to the "BES" and "sub" conscious levels of the psyche, but to its superconscious level, which is holistic-dialectical and entirely socio-cultural in nature. At the same time, the impression of "relictness" of creative thinking is created due to the fact that in a holistic creative thinking, conceptual-symbolic, figurative-aesthetic and emotional-value components are organically combined, similar to syncretic archaic thinking. However, if archaic thinking is syncretic due to its early stages of development, then in modern creative thinking, synthetics is determined by the most modern level of development of thinking. Relict archaic and supermodern in creative thinking are United by the fact that creativity, as a socio-cultural phenomenon, is the basis and essence of thinking in General, first separating thinking from biological reactions, then creating new levels of thought, forming new standards of reproductive thinking. Accordingly, the unconscious in creativity does not belong to the biological unconscious or to the socially stereotyped subconscious, but to the superconscious, which implements the most modern cultural trends and resolves the dialectical contradictions that underlie the creative act.

For citation

Semenov S.N. (2020) Tvorchestvo: relikt ili supermodern [Creativity: relic or super modern]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 9 (5A), pp. 5-13. DOI: 10.34670/AR.2020.42.65.001

Keywords

Creativity, relict thinking, super modern thinking, holistic thinking, unconscious, subconscious, superconsciousness, dialectics.

References

1. Alekseev A.Yu. Problema tvorchestva v issledovaniyah iskusstvennogo intellect // Epistemologia creativnosti. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitacia» - 2013. S. 374 – 413.
2. Beskova, I.A. Kak vozmozhno tvorcheskoe myshlenie? – M.: IF RAN. – 1993. – 196 s.
3. Beskova, I.A. Tvorcheskaya odarennost': priroda, predposylki, proyavleniya // Epistemologiya kreativnosti. – M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitacia». – 2013. – S. 204-271.
4. Cherneckaya, N.I. K probleme integracii psihologicheskikh teorij tvorcheskogo myshleniya // Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta im. I.Kanta. Seriya: Filosofiya, pedagogika, psihologiya. – 2009, vyp. 5. – S. 45-50.
5. Cherneckaya, N.I. tvorcheskoe myshlenie kak vysshaya forma myshleniya // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psihologiya. – 2009. – № 2. – S. 225-230.
6. Kudryavcev, V.T. Tvorcheskaya priroda psihiki cheloveka // Voprosy psihologii. – 1990. – № 3. – S. 113-120.
7. Losev, A.F. Nekotorye terminologicheskie utochneniya v oblasti zakonov dialektiki // Dialektika otricaniya. – M.: Politizdat. – 1983. – S. 294-303.
8. Yan B., Arlin P. Dialectical thinking: implications for creative thinking // Encyclopedia of creativity volume 1. – San Diego-London-Boston-New York-Sydney-Tokyo-Toronto: Academic Press. – 1999. – P. 547-552.
9. Nikitin, V.F. Algoritm konstruirovaniya hudozhestvennogo obraza: Eksperimental'nyj uchebno-metodicheskij mini-kompleks. – Ufa: RUMC. – 1999. – 22 s.
10. Zinchenko, V.P. Soznanie i tvorcheskij akt [Elektronnyj resurs]. – M.: YAzyki slavyanskikh kul'tur. – 2010. – 588 s. – Rezhim dostupa: <https://iknigi.net/avtor-vladimir-zinchenko/51341>
11. Gubin, D.V. «Kul'tura» i «priroda» v fenomene tvorchestva // Filosofiya i istoriya kul'tury. – M.: Nauka. – 1985. – S. 95-120.
12. Stanislavskij, K.S. Rabota aktera nad rol'yu [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.litmir.me/br/?b=145139&p=1>
13. Simonov, P.V. «Sverhzadacha» hudozhnika v svete psihologii i nejrofiziologii // Psihologiya processov hudozhestvennogo tvorchestva. – L.: Nauka. – 1980. – S. 32-45.
14. Allahverdyan A.G., Moshkova G.YU., YUrevich A.V., YAroshevskij M.G. Psihologiya nauki: uchebnoe posobie. – M.: Flinta. – 1998. – 312 s.
15. Semenov, S.N. Razvitie tvorcheskikh sposobnostej v processe obucheniya (filosofsko-metodologicheskie problemy). – Ufa: Gilem. – 1998. – 174 s.
16. Averincev, S.S. Ot koncepta «intellekta» k konceptu «uma» // I.E. Anichkov Trudy po yazykoznaniyu / sost. i otv. red. V.P. Nedyalkov. – SPb.: Nauka. – 1997. – S. 55-57.
17. Verbickaya G.YA., Semenov S.N. Razreshenie nerazreshimogo: iskusstvo i filosofiya o «vechnyh» protivorechiyah // Obrazovanie i nauka. – 2016. – № 2. – S. 94-110.